

УДК 82-1:[1+7]

Ю.С. Пятачков,

магістрант кафедри російської і зарубіжної літератури БДПУ

ФИЛОСОФИЯ, ИСКУССТВО, ПОЭЗИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Вопрос о художественной и научной интерпретации поэтических текстов сегодня стоит как никогда остро. Работы В.В. Кожина [1], С.Л. Каганович [2], А.Д. Жижиной [3], Н.П. Капшай [4], А.Л. Ренанского [5] подтверждают это, открывая в то же время нетронутый еще простор для дальнейших исследований в этой не часто исследуемой области. Но не менее острой и вполне дискуссионной стоит признать и проблему генезиса поэтического искусства, его развития, становления и полноты воплощения в нем человеческой мысли в своеобразно складывающейся модели мира. И все это в своей совокупности требует выявления сущности поэзии как искусства и как философии одновременно. Ведь на самом деле это две диалектически связанные одна с другой научные проблемы. В этом и состоит их очевидная трудоемкость и малопознученность.

Первоначально поэтами являлись лица мужского пола, однако универсально развитые и совмещавшие несколько должностных обязательств в своем лице. При этом сама поэзия рассматривалась как божественное и боговдохновенное (богодухновенное) откровение, своего рода теургия (боготворчество), когда поэт — это медиатор между богами и смертными людьми (не-поэтами)¹. В древности весьма часто такими людьми были жрецы (авгуры, мистагоги, кельтские филы), получавшие первоклассное образование и при этом все познания, данные им, трепетно оберегавшиеся и лелеявшиеся, они специально в белых одеяниях транслировали своим последователям во всех возложенных на них обязательствах. В китайской мифологии в белые одежды одевались бессмертные, на спине у которых росли маленькие крылья. Их жизнь была веселой и счастливой, ведь жили они на Островах блаженных (ассоциировавшихся с Элизиумом (Елисейскими полями) у греков). А поэзия, соответственно, была делом посвященных (в итоге — орфиков (орфические гимны), гностиков (Симон Маг), герметистов (Гермес Трисмегист и его последователи), самых первых теософов (Аполлоний Тианский, Аммоний Саккас)). Как известно, долгое время ведические тексты нельзя

¹ В итоге концепция теургии органично вошла в теорию и практику русских символистов.

было сообщать непосвященным во избежание случайного осквернения, отчего их передавали из уст в уста от учителя к ученику. То же и у древних иранцев, и вовсе считавших письмо «дьявольским изобретением», так что и ими священные проповеди Зороастра заучивались наизусть. А.С. Пушкин (1799–1837) в 1827 г. писал: «Пока не требует поэта / К священной жертве Аполлон, / В заботах суетного света / Он малодушно погружен...» [6, с. 50; «Поэт»], а Е.А. Боратынский (1800–1844) в 1840 г. восклицал: «Всё мысль да мысль! Художник бедный слова! / О жрец её! тебе забвенья нет; / Всё тут, да тут и человек, и свет, / И смерть, и жизнь, и правда без покрова...» [7, с. 249]. Весьма убедительно об этой «священной жертве» поэзии рассказал в своем исследовании «Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры» (1938) нидерландский историк и культуролог Й. Хёйзинга (1872–1945): «...Всякое древнее поэтическое искусство есть вместе с тем одновременно и культ, праздничное увеселение, совместная игра, проявление искусности, испытание или загадка, мудрое поучение, убеждение, колдовской заговор, предсказание, пророчество, состязание... Поэт — Vates, одержимый, воодушевленный, неистовый. Он — посвященный... Поэтическая форма всюду предшествует литературной прозе. Все, что священо или высокаторжественно, говорится стихами... Существует древнее требование которого некогда придерживались и древние греки: оно гласит, что слово поэта должно быть тёмным...» [8].

Так, можно заключить: поэзия (от древнегреческого слова, означающего «делаю, создаю, творю» [9, с. 221], отцом поэзии принят считать древнегреческого поэта-аэда Архилха (VII в. до н. э.); название же «стихи» первоначально означало «боевые шеренги») была религиозной по своей сути. По крайней мере использовалась в религиозных ритуалах жреческих обрядах, порой специально для простейшей формы запоминания и передачи соответствующих заклинаний, молитв и иероглифических высказываний последователям. Также отметим, что поэты изначально практиковали использование дурманных трав и веществ. Например, омела у кельтских друидов да и не только у них; листья лаврового дере-

у древних греков, единственных с трепетом; скажем, вместе с палестинцами, относившихся к молодым незамужним и легковозбудимым женщинам, бывшим у них дельфийскими¹ пифиями и сивилланскими оракулами – «Сивиллины книги» и «Сивиллины оракулы»; хаома у зороастрийцев. Это практиковалось для более убедительной отстраненности и ухода от действительного мира в царство грезы, восторга, опьянения, смеха, наслаждения, сновидения (онирического), ночи и потустороннего. С тех пор надолго утвердилось мнение, что нельзя считать истинным поэтом того, кто находится в здравом уме. В итоге романтики с лихвой поддерживали эту своего рода традицию (С.Т. Кольридж, У. Блейк, Ф. Гойя, Э.А. По).

Действительно, на первом этапе своего развития мировая поэзия не имела рифмы в привычном для нас смысле слова. Вавилонская «Песнь о Гильгамеше», древнеегипетская, аккадская, шумерская лирика, иудейская «Песнь песней» Соломона, древнегреческие «Илиада» и «Одиссея» Гомера, римские «Энеида» Вергилия и «Метаморфозы» Овидия свидетельствуют об этом. Хотя, конечно, был ритм (от греч. – соразмерность, стройность). Рифма (по крайней мере так было в европейской поэзии) впервые появилась в VI в. н. э., то есть в эпоху раннего Средневековья, в Византии, в благочестивых стихах *ученого монаха и поэта Романа, которого прозвали Сладкопевцем*². отождествление явлений природы и окружающей действительности с возможностями слова было парадоксальным открытием, да и не случайным. Ведь имело оно под собой вполне практический, утилитарный смысл. Чтобы скрасить хоть как-то трудовые будни, сочинялись ритмические песенки, под которые в такт и трудились. Человек производил телодвижения, издавал звуки, мычание, кричал в особые моменты, как, например, перед сражением или охотой. Также он создал барабан, в который можно было бить разными способами. И вскоре он стал использовать звуки и барабанный ритм, чтобы обращать магические слова своим богам. Потом эти танцы, песни, заклинания люди начали хранить. Их передавали от одного поколения другому, и они стали видом поэзии. В Древней Греции в V в. до н. э. поэтиче-

ские произведения писались специально для определенных случаев, но они все еще исполнялись с музыкой и танцами. Позднее греками был создан особый вид поэзии, в этих поэтических произведениях рассказывалось о героических событиях или описывалась жизнь различных людей – поэмы, для создания которых сказитель пользовался новоизобретенным складом, или размером. Слова в строке располагались так, что при чередовании соблюдался определенный закон. Поэтому нельзя было незаметно изменить не только слова, но и ударения. Убедительно о первоначальном синкретизме поэзии, музыки, танца, магии и трудовых будней говорил Александр Веселовский (1838–1906). Из этого синкретизма в результате поэзия выделилась с тем, чтобы стать небывалым открытием. Вспомним, многие первые философы, ученые и художественно одаренные натуры писали натурфилософские, астрономические, медицинские, математические сочинения стихами (Гомер; основатель даосизма Лао-Цзы (Ли Эр, VI в. до н. э.); Шанкара; Гераклит Эфесский, кстати, бывший жрецом, написал «темную» поэму «О природе»; элеат Парменид; эпикуреец Филодем из Гадары; Арат (около 315–240 гг.) со своей астрономической поэмой «Небесные явления», принадлежащей к числу знаменитейших произведений эллинистической литературы; Каллимах из Кирены; Тит Лукреций Кар; Авиценна; Омар Хайям; японец Сайгё (1118–1190); Су Ши, работавший в жанре цы; Низами, Алишер Навои; испанский святой Хуан де ля Крус (Иоанн Креста), мексиканская монахиня и поэтесса Хуана Инес де ля Крус; Микеланджело, Джон Донн, Данте, И.В. фон Гёте; врач и поэт Юстинус Кёрнер; Ф.-В. Ницше и др.). Академик С.Ф. Ольденбург относительно особенности Индии как восточной страны отмечал, что «Индия – страна стиха, ибо почти все может здесь излагаться стихами, даже медицинские трактаты» [10]. Я. Парандовский (1895–1978) же, рассуждая о развитии поэзии, питавшейся достижениями красноречия и ораторской прозы, утверждал, что «бывали эпохи, когда поэзия затмевала прозу, хотя и уступала ей по качеству...» [11].

Поэтому первоначальная связь поэзии со всеми своими давнишними спутницами в единой завязи сохранилась и по сей день. Одна из них особенно примечательна – связь с мифом (Дж.Дж. Фрэнгер (1854–1941), Э.Б. Тейлор (1832–1917)) и, конечно же, с музыкой (с которой этимологически (ЛИРИКА) сохранила свою незыблемую и вечную взаимосвязь). Для последней поэзия всегда искала дополнительные способы выражения внутреннего пере-

¹ Знаменитейший Дельфийский оракул, располагавшийся в греческой провинции Фокида на южном склоне горы Парнас, в храме Аполлона. Здесь, внутри, находился пуп земли, ее центр, отмеченный священным камнем омфалом и скульптурами золотых орлов.

² Роман Сладкопевец (греч.) — христианский святой V–VI в., известный как автор песнопений, называемых кондаками (в раннем значении термина), некоторые из них до сих пор используются в богослужении Православной Церкви.

живания, события, открытия, причем в слове как раз и находились такие неограниченные, хотя и скудные, возможности. Ведь признавалась нищета языка, для определения той всеобъемности, вселенскости, достоверности, проникновенности, чистоты, величия и полноты соответствия мысли выражаемому слову. В особенности посредством языка символов, аллегорий, очевидных затемненностей. О связи поэзии с мифом Я.Э. Голосовкер (1890–1967) замечал: «...та же разумная творческая сила – а имя ей Воображение, Имагинация, которая создавала миф, действует в нас и по сей час, постоянно, особенно у поэта и философа, но в более прикрытом виде. Ни у одного народа образы мифологии не отличаются такой конкретностью, и самый смысл этих образов – такую осязаемой телесностью во всех его вариациях и нюансах, как у древних эллинов... Один мыслитель даже пренебрежительно отметил, что логика шлепает ногами позади воображения гения...» [12].

Но связь у поэзии была и с философией (Шеллинг «Система трансцендентального идеализма» (1800)), и она была какой-то особенно неповторимо несравненной. Поскольку была всегда, с самых первых своих шагов и до вступления на самостоятельный путь развития и окончательного становления. Х.-Г. Гадамер (1900–2002) в своей работе «Актуальность прекрасного» писал: «Еще Платон говорил о древнем раздоре между поэзией и философией и изгонял поэзию из царства идей и блага, но вместе с тем философия Платона, этого сказителя мифов, который с неподражаемым умением соединил возвышенность и иронию, древнюю легенду и четко выраженную мысль, вмещает в себя и поэзию... Между философией и поэзией есть загадочная близость, которая стала осознаваться со времен Гердера и немецкого романтизма...» [13, с. 116–146]. Отметим и тот факт, что, например, в Китае бытовало суждение, что мудрость и поэзия имеют единое начало, разница лишь в том, что мудрость воздействует на разум, а поэзия – на чувства. Так что они дополняют друг друга, а не мешают. Из-за этого в империи Тан умение сочинять стихи считалось важнейшим условием для поступления на государственную службу. Это было время двух величайших поэтов – многострадального Ду Фу (712–770) и «ветротекучего» Ли Бо (701–762), о котором говорят, что по натуре своей он был романтической личностью. А в исконной японской религии – синтоизме – магия и шаманство, настолько глубоко вросли в быт, что продолжают практиковаться и в наши дни.

Получается, что все упомянутое нами выше так или иначе имело и имеет определенный философский смысл и, значит, заключает в себе определенную медитативность. Сам термин «медитативность» подчеркивает, в первую очередь, связь с религиозными потребностями, а во-вторых, уже с философскими размышлениями и раздумьями над вечными проблемами бытия, с чем и стала ассоциироваться поэзия в конечном итоге. Хотя его применяют к поэзии только в XVI в., в ренессансную эпоху, и то это будут ученые-энциклопедисты. Среди них и итальянский монах-доминиканец, философ-мистик и каббалист Дж. Бруно (1548–1600), ко всему прочему незаурядный поэт-неоплатоник и в какой-то степени космист (это он писал: «...едва лишь мысль взлетает, // Из твари становлюсь я божеством //... Меня любовь преобразует в Бога»). Он употребил его в самой известной своей книге «О героическом энтузиазме» (1585), посвященной, кстати сказать, замечательному поэту английского Возрождения сэру Филипу Сидни. В конечном итоге Льюис Л. Мартц ввел и обосновал это понятие, казавшееся долго ненаходимым ключом к тексту «метафизической поэзии», и охарактеризовал медитацию как жанр религиозной лирики. Впоследствии все тот же XVI в. подарит миру и женщин, пишущих стихи. Это же не только время господствующей власти католической церкви, но к тому же и «елизаветинская эпоха», давшая нам величавый гений и Уильяма Шекспира (1564–1616), и Кристофера Марло (1564–1593), и Эдмунда Спенсера (1552–1599). Но и не только. А также и женщин-«поэтесс», о которых мы так мало знаем. Почему так? Писать женщине в то время, да и в предшествовавшее в особенности, было не только опасно, но и сродни кощунству над обществом, и бросаемому ими вызову, который оно поднимало мгновенно. Приведем эти имена: *Эмилия Бассано Лэньер и Мэри Сидни-Пемброук*, сестра великого Филипа Сидни. Мы говорим это к тому, чтобы подчеркнуть, что это такое было – женщина в «мужском деле», каким считалось долгое время поэтическое искусство (причем так было только в Старом и Новом Свете, совсем другое дело, например, в Китае, где женщины-поэтессы были в почете, как «отрешенная и одержимая» Ли Цин-чжао (1084–1151), автор прекрасных «Строф из граненой яшмы», жившая в сунскую эпоху, а в нее как раз поэзия сосредоточила в себе и науку того времени, и философию). Но поэзия именно таким опасным делом весьма долго была и оставалась. Поэтому актуальность нашего исследования становится более чем очевидной и понятной, когда прорисовываются

исторические и суеверные контуры на место женщины в обществе и того, что в результате именно женщины давали миру и дадут еще в течение XIX в.: А.-Л. Ж. де Сталь, М. Шелли, М. Фуллер, Э.Э. Дикинсон, Э.Б. Браунинг, К.М. Россетти, Дж. Элиот, Э. Гаскелл, сестры Бронте, Ж. Санд.

Поэтому долгое время именно определение «поэт» было устоявшимся и почти неизменным, а «поэтесса» родилась, как необходимость назвать соответственно женщин-поэтов. Ни больше ни меньше. Только романтическая эпоха переосмыслила и отразила всю историю развития поэтического искусства и попыталась представить его целостно и едино как в теоретических работах, манифестах, так и в собственно оригинальном творчестве.

Таким образом, только «поэтичнейшее из времен» романтическая эпоха выдвинула на авансцену плеяду поэтических личностей, открывших в поэзии невиданную доселе глубину, которой же они и сами были заражены. А в воображении (этой «деятельной способности синтеза многообразного» и трансцендентальной функции души) с чувственностью и рассудком наряду, с легкой руки основных мыслителей эпохи (Канта, Шеллинга, Гегеля) впоследствии увидели еще одно мощное средство познания и открытия сокровенных истин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожин, В.В. Стихи и поэзия. / В.В. Кожин. — М.: Сов. Россия, 1980. — 304 с.; Кожин, В.В. Книга о русской лирической поэзии XIX в.: Развитие стиля и жанра / В.В. Кожин. — М.: Современник, 1978. — 303 с.
2. Каганович, С.Л. Обучение анализу поэтического текста: Методическое пособие для учителей-словесников. / С.Л. Каганович. — 2-е изд. — М.: ООО «ТИД «Русское слово — РС», 2007. — 112 с.
3. Жижина, А.Д. Как постигать язык поэзии: учеб. пособие / А.Д. Жижина. — М.: Новая школа, 1997. — 48 с.
4. Капшай, Н.П. Работа над поэтическим текстом в школе: Пособие для учителей общеобразовательных школ / Н.П. Капшай. — Минск: «Жасскон», 2001. — 196 с.

5. Ренанский, А.Л. Писатель как живописец: визуальные практики в литературе и искусстве: курс лекций / А.Л. Ренанский. — Минск: ГИУСТ БГУ, 2013. — 208 с.
6. Пушкин, А.С. Сквозь магический кристалл: Избранное. [Для ст. школ. возраста / сост. В. Спринчана; вступ. слово Р. Бородулина]. — Минск: Юнацтва, 1982. — 143 с.
7. Борянский, Е.А. Поэзия. Проза. Публицистика / Ф.И. Тютчев. Поэзия. Проза. Публицистика. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — 763 с.
8. Хэйзинга, Й. Homo ludens: Статьи по истории культуры / пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д.Э. Харитоновича. — М.: Прогресс — Традиция, 1997. — 416 с.
9. Квятковский, А.П. Поэтический словарь / А.П. Квятковский. — М.: «Сов. энциклопедия», 1966. — 376 с.
10. Ольденбург, С.Ф. Культура Индии / С.Ф. Ольденбург. — М.: Наука, 1991.
11. Парандовский, Ян. Алхимия слова / Ян. Парандовский; пер. с польского А. Сиповина. [Электронный ресурс]. — Изд-во «Прогресс», 1972. — 336 с. — Режим доступа http://webreading.ru/ponf/_design/yan-parandovskiy-alhimiya-slova.html. Электронный ресурс. — Дата доступа: 5.05.2014.
12. Голосовкер, Я.Э. Логика античного мифа. Логика мифа / Я.Э. Голосовкер. — М., 1987. — http://ec-dejavu.ru/p/Publ_Golosovker.html.
13. Гадамер, Г.-Г. Философия и поэзия / Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. — М.: Искусство, 1991.

SUMMARY

The article is dedicated to little explored problem of the correspondence to existing concept about process of branch poetry from initial syntheses possible interpretation, as artistic, so and scientific, poetical artistic text. It is indicated that synthetic condition to poetry as art and as philosophy assisted her(its) development in independent area of the studies — philosophy of poetry, became possible only on border XVIII — XIX ages. Appears, what position occupied the poetry in histories mankind and the main, is done natural conclusion about need of the distinguishing to poetry (or lyric poets), philosophical (the meditative) to poetry and so named philosophy of poetry. Attention is accented on that this divergency notion became the possible period due to romantic of the development to poetry, specified theorist and practical person original deep and beyond reach possibilities to poetry in alliance, both with art and with philosophy.

Поступила в редакцию 15.05.2014 г.